

DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.003
УДК 811.161.1'373.23 + 811.511.115'373.23 +
811.511.112'373.23 + 811.511.111'373.23

А. И. Соболев

КАРЕЛЬСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТОПОНИМИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ

Статья посвящена топонимам карельского происхождения на территории Юго-Восточного Обонежья. Автором собраны и систематизированы исторические и лингвистические свидетельства переселения карел на данную территорию, обоснован выбор языкового материала для этимологизации топонимов. Проведенное исследование позволяет заключить, что на части земель Юго-Восточного Обонежья карельский язык распространился не позднее конца XV в. в результате миграций карельского населения из Северо-Западного Приладожья. В течение XV–XVIII вв. переселения карел в Юго-Восточное Обонежье были неоднократными, и в XVIII в. карельский язык еще использовался частью населения этого региона. Поскольку карельские переселенцы оседали в русско-вепсской языковой среде, в статье приводятся факты, указывающие на вепскую адаптацию карельских топонимов и на карельско-вепское и карельско-русское двуязычие. Достоверность выводов исследования обеспечивается привлечением исторических источников, использованием топонимического материала по современным карельским территориям, учетом физико-географических характеристик объектов номинации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, вепсский язык, карельский язык, топонимия, историческая антропонимия, Обонежье, Карелия, Вологодская область, языковые контакты, этническая история, этимология.

Географические названия, обладая собственной культурно-исторической ценностью, заключают в себе также этноисторическую информацию, позволяющую

© Соболев А. И., 2015

благодаря четкой территориальной привязке топонимов осуществлять реконструкцию этнических процессов в конкретном регионе в относительно определяемый хронологический период. При комплексном использовании методов топонимики и других наук возможно определить и абсолютную хронологию данных процессов. В настоящей статье задачи подобной реконструкции решаются для одного из российских субрегионов — Юго-Восточного Обонежья.

Эта территория является частью Обонежья — крупного историко-культурного региона, расположенного в бассейне Онежского озера. Юго-Восточное Обонежье занимает бассейны рек Андома и Вытегра, озер Тудозеро и Муромское. Площадь изучаемой территории — около 5 000 кв. км. Ее максимальная протяженность в широтном направлении составляет 100 км, в меридиональном — 60 км. В административно-территориальном отношении Юго-Восточное Обонежье включает северную часть Вытегорского района Вологодской области и южную часть Пудожского района Карелии. Ранее, в XV–XVIII вв., рассматриваемая территория входила в состав Никольского Андомского и Покровского Вытегорского погостов Обонежской пятины Новгородской земли.

Основными источниками материала для настоящей работы послужили издания писцовых книг XV–XVII вв., топографические карты и планы, документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Национального архива Республики Карелия [НАРК], данные научной топонимической картотеки Карельского научного центра РАН [ТКК]¹, сайта Топографического управления Финляндии [ММЛ], а также полевые записи автора, собранные им в 1996–2008 гг. [ПДА].

Методологической основой исследования являются работы ученых Петрозаводской топонимической школы — И. И. Муллонен и ее учеников: Д. В. Кузьмина, Е. В. Захаровой, О. Л. Карловой. Опыт их многолетних исследований ценен для нас как в плане общей проблематики (историческая и современная топонимия Карелии и смежных территорий), так и в плане методики, позволяющей дифференцировать схожие, но разные по происхождению топонимы: карельские и вепские [Муллонен, 2002; 2003; 2008; Кузьмин, 2003; Муллонен, Кузьмин, 2008; Захарова, Муллонен, 2012], карельские и финские [Kuzmin, 2014].

Современное население Юго-Восточного Обонежья — русское. Однако ранее здесь одновременно с русским проживало прибалтийско-финское население (вепское, карельское), которое перешло на русский язык в XVIII–XIX вв. Это подтверждают данные целого ряда наук: лингвистики (топонимики, антропонимики, диалектологии), истории, археологии, этнографии, теории архитектуры [см.: Соболев, 2009].

¹ Автор выражает искреннюю благодарность Институту языка и литературы Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) за предоставленную возможность работы с научной топонимической картотекой и архивными материалами КарНЦ РАН.

Ранее уже отмечалось, что прибалтийско-финский пласт субстратной топонимии бассейна р. Андома допускает вепсские и карельские этимологии [Гусельникова, 2000, 171], однако топонимы карельского происхождения на территории всего Юго-Восточного Обонежья еще не являлись предметом специального исследования.

При выявлении и анализе топонимов карельского происхождения на территории Юго-Восточного Обонежья привлечение конкретных наречий этого языка должно быть обосновано с исторической точки зрения: необходимо знать, в какое время и из каких районов носители карельской речи могли проникать на исследуемую территорию.

В поиске этих сведений особую ценность имеют исторические источники, в которых, наряду с иной информацией, нередко обнаруживаются своеобразные «маркеры», свидетельствующие о присутствии на той или иной территории отдельных представителей (или групп) определенных народов. Обычно такими маркерами являются зафиксированные в памятниках этнонимические антропонимы и собственно этнонимы, а также образованные от них географические названия.

В соответствии с методикой, на которую мы опираемся, далее в статье представлено несколько разделов, где приводятся и анализируются историко-документальные и собственно языковые — антропонимические, этнонимические, топонимические — свидетельства, позволяющие воссоздать картину освоения Юго-Восточного Обонежья карельским населением.

1. Документальные сведения. Историческая антропонимия

Уже самый ранний источник по данной территории — писцовая книга 1496 г. — фиксирует в Южном Обонежье (Оштинский пог.) антропонимы *Палка Кареленик* (вол. Ладва на р. Оять) и *Ескя Корелянин* (Рыбежна, позднее Рыбрека) [ПКОП, 35, 37]. Эти имена свидетельствуют в первую очередь о том, что их носители были переселенцами из Корельского уезда, что отмечалось еще М. В. Витовым [Витов, 1962, 59]. Корельский уезд, располагавшийся в Северо-Западном Приладожье, являлся в то время основной этнической территорией карел, поэтому переселенцы оттуда являлись, скорее всего, носителями карельского языка. Предположение о том, что *Палка Кареленик* и *Ескя Корелянин* были переселенцами с других территорий, вряд ли возможно, поскольку по отношению к жителям Олонецкого перешейка, где ныне распространены ливвиковское и людиковское наречия карельского языка, этнонимы *корела*, *корелянин* в XV–XVI вв. не употреблялись [Карелы, 1983, 32].

Как известно, миграции населения из Корельского уезда усилились в 1560-е гг. и приобрели массовый характер после 1617 г. и в 1656–1658 гг., что было связано с русско-шведскими войнами и передачей уезда под власть Швеции [Фишман, 2003, 14, 17, 19]. Вместе с карельским населением в Россию уходили также

финны (емь и саволаксы), что подтверждается историческими документами [см.: Kuzmin, 2014, 192–197].

Последствия этих волн переселения карел на территорию Обонежья нашли отражение в писцовых книгах XVI–XVII вв. Так, писцовая книга 1583 г. сообщает, что в «пустыне на озере Лужанде» (НижВ; Вытегорский пог.) живет «игумен Пимин Корельского уезда Сенного монастыря» [ПКЗ, 277], а в Андомском погосте-округе фиксируются антропонимы *Тораско Кореленик* (АнС) и *Максимка Корела* (Сам) [Там же, 242, 243].

К этим сведениям можно добавить еще некоторые, основанные на анализе исторической антропонимии, которая отражена в писцовых книгах. Так, на наш взгляд, к этнониму *karjalaine* ‘карел’ восходит известный в Юго-Восточном Обонежье антропоним *Карей*. Судить об этом можно по следующим фактам.

Писцовая книга 1496 г. отмечает: «д. на Ояте в Ладве ж: во дворе Палка *Кареленик* да сын его Тимошка»; а в книге 1563 г. записано: «д. на Ояти в Ладве ж словет Тимофеевская *Карева*: во дворе Исачко Тимофеев *Карев*» (Оштинский пог.) [ПКОП, 35, 229]. Таким образом, Исачко Тимофеев *Карев* — сын Тимофея *Карева* и внук Палки *Кареленика*.

Вероятно, оригинальным прибалтийско-финским прозвищем Палки *Кареленика* было **Karjalaine*. В дальнейшем в прибалтийско-финской (с учетом территории — в вепсской) языковой среде суффикс *-laine*, характерный для этнонимов, был заменен антропонимическим суффиксом *-oi* (вепс. **Karj/oi²*). При этом основа антропонима, по аналогии с другими отэтнонимическими основами, была неверно воспринята как *Karja-* вместо правильного *Karjala-* (ср. *vepsä* и *vepsä/laine* ‘вепс’).

Еще один *Карей* — Карей Ефремов, живший в 1563 г. в «д. у Студенного мосту» (Вытегорский пог.) [ПКОП, 210], — в следующей писцовой книге 1583 г. фигурирует как *Латыши* Ефремов [ПКЗ, 267]³. Замена прозвища *Карей* (1563 г.) на *Латыши* (1583 г.) объясняется, видимо, тем, что в русском языке того времени именование *латыши* относилось к людям «латинской веры». Соответственно, *латышами карельской земли* именовались карелы, исповедовавшие лютеранство, а *латышами свейской и финской земли* назывались, в частности, финны [см.: Жербин, 1956, 42]. В целом эти сведения подтверждают возможность того, что в XVI–XVIII вв. из Северо-Западного Приладожья на территорию Юго-Восточного Обонежья могло мигрировать население и лютеранского вероисповедания.

Более поздняя перепись 1678 г. отмечает в Андомском погосте 13 семей «карельских выходцев» (47 человек мужского пола) — из них 7 семей основали

² Здесь и далее в сложных прибалтийско-финских названиях, переданных в латинской графике, для удобства читателя между основой и детерминантом ставится знак / (слеш).

³ В дальнейшем деревня, где он жил, известна под названием *Карово* (Таг). Эта форма, видимо, восходит к более ранней **Кароево*, ср.: *Ребово*, д. (АнС) < *Ребуево*, 1563 г. [ПКОП, 191] < *Reboi* (карельское и вепсское личное имя); *Терово*, д. (АнС) < *Тероевская*, конец XVIII в. [ГП] < *Teroi* (карельское и вепсское личное имя).

новую деревню *Ранина Гора* (ЛобР) [Витов, 1962, 64; Чернякова, 1998, 251–252]. По историческим документам установлено также, что в XVII в. миграции карел на территорию Андомского погоста происходили из района Иломанси, а на территорию Вытегорского погоста, вероятно, — из района Пиелисьярви (восток современной Финляндии, РКaг) [Киркинен и др., 1998, 132]. С учетом исторической ситуации — массового переселения карел с территорий, занятых Швецией, — становятся понятными слова одного из наших информантов о том, что в с. Андома раньше жили «шведы». О переселении далекого предка из «шведских» земель может свидетельствовать известная в Юго-Восточном Обонежье фамилия *Шведов* (АнС: Деревягино) [НАРК, ф. 27, оп. 3, д. 23/231, 37], а также ойконим *Шветы* — параллельное название д. Шалимовская Пустошь (НижВ) [СНМ, 1879, 43].

Ко всему вышесказанному необходимо добавить, что значительная доля карельского населения имела, несомненно, среди выговских старообрядцев [см.: Фишман, 2003]. Поселения Выговского старообрядческого обществa (Аноморецкий скит) появились в начале XVIII столетия в восточной части бассейнов рек Андома и Самина на месте позднейших групп деревень Айнозеро, Андома-река, Ладвозеро, Осиновец [Соколовская, 1978, 158; Старицын, 2009, 201].

Обобщая изложенные выше данные, мы можем заключить, что карельский язык распространился в Юго-Восточном Обонежье не позднее 2-й половины XVI в. в результате миграций карел из Северо-Западного Приладожья, принявших в XVII в. массовый характер. Местами распространения карельского языка, согласно историческим и лингвистическим свидетельствам, стали группы поселений Айнозеро, Андома-река, Ладвозеро, Лобеги и Ранина Гора, Осиновец, нижнее течение р. Вытегра (Лужандозеро), а также — судя по наличию этнонимических антропонимов — поселения Андома, Самоно, Тагажма. При этом, как уже отмечалось выше, в карельский миграционный поток могло быть включено и некоторое количество финского (саволакского и емского) населения.

Эти выводы имеют большую значимость для дальнейших ступеней нашего исследования. В соответствии с ними, при выявлении в Юго-Восточном Обонежье топонимов карельского происхождения следует опираться на собственно-карельские (в том числе тверские) диалекты, которые наиболее близки к карельскому наречию Северо-Западного Приладожья. Использовать ливвиковский и людиковский языковой материал вряд ли целесообразно, поскольку массовых миграций носителей этих карельских наречий на исследуемую территорию не выявлено. Кроме того, как известно, оба наречия сложились довольно поздно на основе «карелизации» вепского языка [СОСД, 6], поэтому их привлечение не позволяет надежно разграничивать топонимы карельского и вепского происхождения.

2. Отэтнонимные топонимы

Переселения карел и, возможно, финнов на территорию исследуемого региона нашли отражение в двух одноименных ойконимах *Карелы* (ПлН и Ладв) [СНМ, 1894, 471, 480] и в названии покоса *Емежи* (Айн: Котецкое) [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 3/33, 21]. Последнее восходит, вероятно, к фин., карел. *Häme(h)* ‘емь, емский’ (о распространении топонимов с этой основой в Карелии вплоть до Юго-Западного Обонежья [см.: Kuzmin, 2014, 190]).

Вблизи деревень, именуемых *Карелы*, фиксируются и другие названия, связанные с данным этнонимом. Хотя некоторые из них могут являться метонимическими по отношению к ойконимам, приведем ряд этих названий полностью: *Под Карелами*, ур. (Марк. с/о), 1885 г. [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/25, 74]; *Под Карелами*, поляна (ПлН: Плоские Нивы), 1913 г. [НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, 29]; *Под Карелами*, пок. (ПлН: Иларучей), 1913 г. [Там же, 17]; *У Карелы*, ур. (Марк: Куры) [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, 3]; *У Карельского поля*, пок.; *У Карельской мельницы*, пок., 1886 г. (Ладв: Шлямино) [Там же, д. 3/37, 10].

В местах достоверного проживания карел (Андоморецкий скит, Ранина Гора) засвидетельствованы топонимы с основой *Venc-* / *Venu-*, восходящей к карел. *vepsä, vepšä* ‘вепс’⁴, — *Vencимох*, бол., *Vencручей*, руч. (ЛобР: Ранина Гора) — и два одноименных названия *Venuезеро* (АнР: Варино; Речное Озеро). Как уже отмечалось выше, д. Ранина Гора была основана карелами во 2-й половине XVII в., а в Андоморецком ските, основанном в начале XVIII в., имелся значительный карельский этнический элемент. Следовательно, указанные топонимы с основой *Venc-* / *Venu-* маркируют районы вепско-карельских контактов, причем довольно поздних, относящихся ко 2-й половине XVII — XVIII в.

Таким образом, топонимы, связанные с названиями этносов, выявлены в нескольких группах поселений Юго-Восточного Обонежья. Этноним *карелы* получил отражение в топонимии поселений Ладвозеро, Марково, Плоские Нивы (басс. р. Вытегра и восточная часть басс. р. Андома); этноним *емь*, — вероятно, в топонимии поселений Айнозера (восточная часть басс. р. Андома); этноним *вепсы* — в топонимии Андоморецких деревень и поселений Лобеги и Ранина Гора (верховья р. Черная и восточная часть басс. р. Андома).

Возможно, о переселенцах из перешедшего под власть Швеции Карельского уезда свидетельствуют также топонимы, в состав которых входит слово *выходец* ‘тот, кто переселился из чужих мест, явился из-за рубежа’ [СлРЯ XI–XVII вв., 3, 272]: д. *Карельских Выходцев* в Оштинской волости (ср. *зарубежские выходцы* ‘карелы, переселившиеся из-за шведского рубежа’, 1665 г.) [Захарова, Муллонен, 2012, 147]. В наших материалах названная лексема отражена в нескольких названиях: *Выходец*, ур. (Анх: Анхимово) [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/28, 10]; *Выходец*,

⁴ Здесь и далее данные карельского языка приводятся по словарю [ССКГК], данные вепского языка — по словарю [СВЯ].

поляна (НижВ: Денисово), 1885 г. [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/29, 23]; *У креста — выходец*, ур. (Анх: Анхимово), 1885 г. [Там же, д. 2/14, 73] (басс. р. Вытегра).

3. Отапеллятивные топонимы карельского происхождения

Разграничивать отапеллятивные субстратные топонимы карельского и вепсского происхождения довольно сложно в силу близкого родства вепсского и карельского языков и нивелирующего воздействия на них русского языка. По этой причине многие топонимы Юго-Восточного Обонежья допускают как карельскую, так и вепскую интерпретацию.

В то же время сложная проблема дифференциации вепсских и карельских географических названий успешно решается И. И. Муллонен на материале топонимии Карелии и смежных территорий. В ее работах решение этой проблемы основано на ряде существенных различий между вепскими и карельскими топоосновами, формантами, топонимическими моделями и типами, а также на языковых различиях фонетического характера. Применяя подобный подход к топонимии Юго-Восточного Обонежья, рассмотрим в нижеследующих подразделах некоторые группы названий, для которых в высокой степени вероятно карельское происхождение.

3.1. В первую очередь обратимся к топонимам, которые восходят к карельским апеллятивам, не имеющим аналогов в вепском языке. Из корпуса топооснов, определяемых И. И. Муллонен как дифференцирующие карельские, на территории Юго-Восточного Обонежья нами выявлено две: *Гангас-* и *Тереж-*.

Гангас- < карел. *hangas* ‘развилка, развилка’ (подробнее об этой топооснове [см.: Муллонен, 2008, 74]). В исследуемом регионе основа представлена в названиях *Гангасболото*, бол. (АнР: Никола); *Гангаснива*, ур., 1886 г. (Айн: Кельи); *Гангасручей*, руч., 1886 г. (Айн: Павликово) [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 3/33, 20]. В связи с топонимом *Гангасболото* заметим, что этимологию основы подтверждает V-образная форма называемого объекта. Типологически показательны аналоги основы в собственно-карельской топонимии, ср.: *Hangas/suo* (Лоух: Вычetaйбола, Кестеньга); *Hankas/aho*, поле (Калев: Калевала) [ТКК]; *Hankas/oja* (Лоух: Кестеньга; Калев: Пистаярви), *Hankas/suo* (Лоух: Кестеньга; Калев: Пистаярви). Детерминанты в приведенных примерах восходят к апеллятивам *aho* ‘заброшенное поле; поляна, незаросшее место в лесу’, *oja* ‘ручей’, *suo* ‘болото’.

Тереж- < карел. *törisijä* ‘журчащий’. По данным И. И. Муллонен, эта дифференцирующая карельская топооснова продуктивна в именовании ручьев и небольших рек, ср.: руч. *Тережсий*, руч. *Тереш* (Восточное Обонежье), р. *Тережская речка* (Заонежье) [Муллонен, 2008, 82; Захарова, Муллонен, 2012, 148]. В наших материалах варианты данной основы представлены в названиях *Тереской / Тереский*, руч. (Чекш: Чекша-речка) [ОГВ, 1875, № 10, 104]; *Тёрручей* (< **Тёрручей*

< **Tëpëpучей*), руч. [ПДА]; *Теремах* (< **Tëpëмох*), ур. (Курж: Тикачево) [ОГВ, 1877, № 76, 874]. Отметим, что на территории Финляндии рассматриваемая основа зафиксирована лишь в Иломантси (РKar) [MML], откуда, как известно, осуществлялось одно из переселений карел в Андомский погост-округ.

Кроме двух указанных выше топооснов, в Юго-Восточном Обонежье обнаруживаются и другие основы, которые могут быть квалифицированы как карельские, поскольку они восходят к апеллятивам, имеющимся в карельском языке, но отсутствующим в современном вепском. Это топоосновы *Вян(ь)г-*, *Гейк(о)-*, *Кед(о)-*, *Лив-*, *Но(в)з-*.

Вян(ь)г- < карел. *vengi* ‘ручей или небольшая речка, соединяющая два озера (ламбы, болота); протока’ [ПФГЛК, 100], ‘бухта, заливчик’. На территории Юго-Восточного Обонежья основа отражена в нескольких названиях: *Вянз(и)ручей*, руч. (НижВ: Денисово); *Вян(ь)га река*, прт. (АнС: Руяково); *Вянгозеро*, оз., конец XVIII в. (Ладв: Габозеро) [ГП]. Специфическое отражение гласного первого слога в этих примерах связано, вероятно, с имевшим место варьированием термина в производящей основе (ср. фин. *venki* ‘изгиб, поворот’, *vängata / vengata* ‘изгибать’, *vänkyrä / venkyrä* ‘кривой, изогнутый’). Аналогами обонежских примеров в ареале собственно-карельской топонимии являются *Vengi/järvi*, оз. (Лоух: Вычтайбола), где *järvi* ‘озеро’; *Венгигора*, с. (Медв); в Северной Карелии отмечаются также многочисленные гидронимы *Vengi* и названия, содержащие детерминант *-vengi*, например *Hakkara/vengi* (Калев: Юшкозеро), *Kokko/vengi* (Лоух: Паанярви) [ТКК; ПФГЛК, 100].

Гейк(о)- < карел. *heikko* ‘слабый, немощный, хилый’. В карельской топонимии основа непродуктивна, поэтому, видимо, и в наших материалах она представлена только одним примером: *Гейкозеро*, оз. (Илек: Пустынька). Интересно, что оз. *Гейкозеро* соединено протокой с оз. *Пагача*, а название последнего восходит к вепс. **Rahač* < *paha* ‘злой, сердитый’, ‘плохой’, ‘плохой, слабый (о больном, старом человеке)’ (в финальной части отражен типичный для вепской топонимии суффикс *-č*). Тем самым лимнонимы *Гейкозеро* и *Пагача* образуют топонимическую микросистему, свидетельствующую о былом карело-вепском языковом контактировании.

Кед(о)- < карел. *kedo* ‘заросшая подсека, поляна, залежь’ [ПФГЛК, 38], *keto* ‘поляна, заросшее поле’. Основа хорошо известна в собственно-карельской топонимии, ср., например: *Kedo/lambi* (Муез: Кучезеро), где *lambi* ‘лесное озеро’; *Keto/niemi* (Калев: Юшкозеро), где *niemi* ‘мыс, полуостров’ [ТКК]. В Юго-Восточном Обонежье основа выступает в названиях *Кедозеро*, оз. и *Кедручей*, руч. (Тал: Талица); *Кедручей*, руч. (Курж: Тикачево); *Кедручей*, руч. (Таг: Дальняя Карданка) [ОГВ, 1874, № 70, 842], он же *Кед-ручей*, 1885 г. (Дев. с/о Дев. вол.) [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/22, 2]; *Кедручей*, пок., 1913 г. (Таг: Дальняя Карданка) [НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, 40].

Лив- < карел. *l'iiva* ‘гниль’, ‘ряска’, ‘пленка на воде, на камне в воде’, ‘тина’; ср. также образованные от этого слова прилагательные *l'iivakaš*, *l'iivan'i*, *liivan'e*

со значением ‘тинистый’. В исследуемом регионе основа засвидетельствована в названии *Ливручей*, руч. (Анх: Анхимово) [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/28, 10]. В Карелии топонимы с данной основой не выявлены, однако гидронимы с основой *Liiva-* (при наличии фин. *liiva* ‘слизь, пена; водоросль’ [SSA, 2, 75]) отмечаются в Юго-Восточной Финляндии: *Liiva/lahdet* (ESav: Mikkeli), *Liiva/lahti* (EKar: Luumäki), где фин. *-lahti* (мн. *-lahdet*) ‘залив’; *Liiva/lampi* (EKar: Savitaipale; ESav: Mikkeli), где *-lampi* ‘лесное озеро’. Эти названия не образуют скоплений в остальной части страны (за исключением Лапландии) и могут рассматриваться как имеющие карельское происхождение.

Но(в)з-. В наших материалах эта топооснова представлена в названиях *Ноздрега / Нозрека / Но(в)здручей / Новза*, р. (АнС: Антоново); *Но(в)здручей / Нозручей*, руч. (МакВ: Рубцово). При всех отмечаемых фонетических вариациях основы опорной, на наш взгляд, следует считать форму *Новз-*, сопоставимую с карел. *nousta* ‘поднимать(ся) (в данном случае на поверхность)’ и ливв. *nouzem(u)* ‘ключ, родник, источник’ [ПФГЛК, 12]. Эта этимологическая гипотеза подтверждается характером географических реалий: температура воды в Ноздреге ощутимо холоднее воды в принимающей ее Андоме, а руч. Ноздручей, по сообщениям местных жителей, берет начало из крупных родников. Гидронимы, включающие аналоги рассматриваемой основы, встречаются, с одной стороны, в ливвиковской топонимии — *Ала-Нouzemu*, р. (Олон: Большие горы), *Nouzem(u)/oja* (Пряж: Хлевनावолок) [ТКК], а с другой стороны, в Восточной Финляндии — *Nousema*, дом (РРoh: Kuusamo) [ММЛ], где они могут рассматриваться как карельское наследие.

Все приведенные топоосновы, за исключением основы *Гейк(о)-*, имеют аналоги в собственно-карельской топонимии и не характерны для вепсской. В преимущественно вепсской или имеющей вепское происхождение гидронимии Юго-Восточного Приладожья встречаются единичные фиксации топооснов *Кед(о)-*, *Лив-*, *Хангас-*, но только в северной части, в людиковском языковом ареале или поблизости от него: *Кедручей*, руч. (басс. р. Важинка), *Ливручей*, руч. (басс. р. Пидьма), *Хангасдярви*, оз. (басс. р. Усланка) [СГЮВП, 19, 10, 23], где люд. *d'ärvi* ‘озеро’.

В заключение данного подраздела рассмотрим еще две топоосновы, которые, не будучи характерными для собственно-карельской топонимии Республики Карелия, имеют аналоги в топонимии Финляндии. Вместе с тем, топоосновы, о которых пойдет речь, не могут однозначно квалифицироваться как финские, поскольку они представлены лишь в единичных примерах, и в равной степени могут рассматриваться как карельское наследие.

Первая топооснова в Юго-Восточном Обонежье отражена в лимнонимах *Думача Большая* и *Думача Малая*, оз. (АнР: Устехино). Как можно предполагать, название *Думача* восходит к **Tumtač*, образованному от карел. *tumta* ‘темный’ с наслоением вепсского суффикса *-č*, который встречается и в названиях других озер региона (ср. приведенный выше лимноним *Пагача* < **Pahač* < вепс. *paha*

‘плохой’). Этимология подтверждается тем, что оз. *Малая Думача* соединено протокой с оз. *Чёрное*, что предполагает в прошлом факт калькирования и образования топонимической микросистемы. При такой трактовке аналогами обонежского *Думача* в топонимии Восточной Финляндии можно считать топонимы с основой *Tumma-* (< фин. или карел. *tumma* ‘темный’): *Tumma/lampi* (Kai: Kuhmo), где *lampi* ‘лесное озеро’; *Tumma/suo* (Kai: Nuygynsalmi), где *suo* ‘болото’ [MML]. При этом, однако, не исключено, что в рассматриваемом случае топооснова могла быть лишь сближена карелами с *tumma* на почве народной этимологии. Фактически она может восходить и к довепсскому пласту топонимии, в связи с чем ср. мар. *tum*, *tumo*, мокш. *tuma*, эрз. *tumo* ‘дуб’ [SSA, 3, 265], ср. *Поддубье*, ур. (МакВ).

Вторая основа отражена в названии *Келтой-поляна*, поляна, 1911 г. (АнГ: Гневашевская) [НАРК, ф. 27, оп. 3, д. 23/216, 73 об.], где *Келт(о)-* < фин. *keltti*, *keltto*, *kelttu* ‘о неплодородном участке земли, например песчаном’ [SMS, 6, 746]. Эта этимология подтверждается почвенными характеристиками непосредственно примыкающего к Онежскому озеру района Юго-Восточного Обонежья, где «почвы главным образом песчаные, бедные, обладающие низким плодородием» [Савинов, Романова, 1970, 48–49]. В современном карельском языке лексема отсутствует, в современной карельской топонимии не выявлена. В топонимии Финляндии топонимы *Kelttu* (9), *Keltti* (4), *Keltto* (1) не фиксируются в Северной Карелии, Южной Карелии и Южном Саво [MML], где можно было бы предполагать их карельские истоки. Вместе с тем, о былом топонимном функционировании лексемы свидетельствует топонимия исторической территории племени корела — Ижорской земли — где топооснова фиксируется в XV в.: *Кел(ь)тушский погост*, 1500 г. [ПОК, 235–236] — совр. д. *Колтуши* Ленинградской обл. (фин. *Keltto*).

3.2. Данный подраздел посвящен топонимам, которые восходят к прибалтийско-финской лексике, используемой в карельской топонимии, но не характерной для вепсской топонимической системы.

Для территории Заонежья И. И. Муллонен приводит две подобные топоосновы, связанные с апеллятивами *halla* ‘заморозок’ и *malja* ‘чаша, чашка, миска’. Эти лексемы известны и в вепсском языке, но отражения в вепсской топонимии они не находят [Муллонен, 2008, 137, 210–211].

На территории Юго-Восточного Обонежья представлены обе топоосновы. Первая из них входит в состав названия *Галентручей / Галентей*, руч. (Чекш: Галентручей). Для него может восстанавливаться карельский прототип **Hallant(o)/oja*, где *hallanto* ‘место, подверженное заморозкам’ < *halla* ‘заморозок’ в сопровождении суффикса *-nto*, который в карельском языке широко используется для образования ландшафтных терминов [Муллонен, 2008, 37] (детерминант *oja* имеет значение ‘ручей’). Передача карельского *a* русским *e* обусловлена палатализацией карельского *l* (ср. название вытекающего из оз. *Рыбно* ручья *Каляручей* (АнР: Мастерово) < карел. *kala* ‘рыба’). Этимология подтверждается

характером реалий: *Галентручей* протекает в узкой и длинной лощине между высокими холмами. Согласно агроклиматическим исследованиям, обилие озер, приозерных и приречных впадин, наряду с холмистыми и приречными участками, создает на северо-западе Вологодской области существенные различия в режиме тепла и влаги. Наибольшей морозоопасностью в начале вегетационного периода отличаются именно приречные и приозерные низины и побережья озер [см.: Овчинникова, 1970, 71].

Вторая основа отмечается в топонимах *Мальяки*, поле, 1885 г. (Таг: Житное) [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/25, 66]; *За Мильяком* (< **Мальяк*), поле, 1885 г. (Таг: Римово) [Там же, 71]; *Мальян*, куст деревень (Маль). В этих названиях хорошо прослеживается исходный карельский апеллатив *malja* ‘чаша, чашка, миска’, выступающий в топонимии как метафорическое обозначение возвышенности. Основная часть деревень под общим названием *Мальян* действительно находилась на склоне холма, ср. также их названия в 1905 г.: «д. на Мальяне Родина», «д. на Мальяне Большая» [СНМ, 1907, 164]. В морфологическом отношении название *Мальян* может являться отражением формы генитива **Maljan-* или деминутива **Maljan'i*; в форме *Мальяк* прослеживается рефлекс прибалтийско-финского собирательного суффикса *-kko/-kkö* или русского суффикса *-Vк*.

Ареальный подход позволяет связать с карельским наследием Юго-Восточного Обонежья еще некоторые топонимы, известные в местах достоверного проживания карел (Андоморецкий скит; Плоские Нивы, где отмечена д. *Корелы*).

Гусинплесо, ур. (АнР: Мастерово), 1886 г. [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 3/32, 9], позднее *Гусиное плёсо*, участок р. Андома. Судя по более старой форме, название является калькой с карел. **Hanhi/suvanto*, где *hanhi* ‘гусь’, а *suvanto* (*šuvando*, *šuvanto*) — ‘плес’ [ПФГЛК, 92; ССКГК, 78]. Заметим, во-первых, что это одно из трех известных нам названий плесов во всем Юго-Восточном Обонежье и единственное в андоморецких деревнях; во-вторых, связывать кальку именно с карельским прототипом возможно потому, что в вепском языке специальный термин для обозначения плеса отсутствует. При наличии собственно-карельских топонимов на *-suvanto* точные аналоги для рассматриваемого топонима имеются также в Финляндии: ср., например, название *Hanhi/suvanto* (РРoh: Ii (2)⁵, Oulu; Kai: Puolanka, Kuusamo), объясняемое из фин. *hanhi* ‘гусь’, *suvanto* ‘плес’.

Масельга, ур., 1885 г. (ПлН: Плоские Нивы) [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/25, 30]; *Массельская*, д. Андоморецкого скита, ок. 1742 г. [Соколовская, 1999, 273]; *Под Ласельгой* (описка, правильно: *Под Масельгой*), пок., 1913 г. (ПлН: Плоские Нивы) [НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, 29]. В основе этих названий, по-видимому, лежит карел. *toa(n)/selgä* ‘водораздел’ (буквально «земляной хребет», «хребет земли») [ПФГЛК, 60]. Данное сопоставление подтверждается тем, что для первого топонима засвидетельствована метонимическая калька: *Земляное*, пок.

⁵ Здесь и далее цифры в скобках указывают на количество топонимов.

(ПлН: Плоские Нивы), 1913 г. (*Масельга* и *Земляное* располагались на расстоянии около одной версты от деревни) [НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, 30].

3.3. В этом подразделе мы обратим внимание на фонетические критерии разграничения карельских и вепских топонимов. Эти критерии весьма существенны, поскольку, во-первых, карельский и вепский языки обладают заметной звуковой спецификой относительно друг друга, а во-вторых, в прошлом для карельских и вепских оригиналов были различны законы их русской фонетической обработки [см.: Муллонен, 2008, 212].

3.3.1. Яркой дифференцирующей чертой карельской фонетики является наличие шипящих согласных [Захарова, Муллонен, 2012, 151], поэтому к карельским возможно относить следующие топонимы.

Вепиезеро, оз. (2) (АнР: Варино, Речное Озеро), где *Вепие-* < карел. *vepšä* ‘вепс’ — ср. вепс. *vepsä* ‘вепс’.

Шавручей, руч. (Тал: Николаевское), где *Шав-* < карел. *šavi* ‘глина’ — ср. вепс. *savi* ‘глина’.

Шаржуга, д., 1563 г. [ПКОП, 194], *Шаржега ручей*, 1583 г. [ПКЗ, 254], совр. *Сяржега*, р. (МакВ: Подгородье). Исторические формы с начальным *ш* восходят к карел. **Šäргеги* < **Šärgi/jogi* ‘плотвяная река’, где *šärgi* ‘плотва’, *jogi* ‘река’ — ср. вепс. **Sär’g’eg* < **Sär’g’/jogi*, где *sär’g’* ‘плотва’.

**Шаруева гора*: «д. на Шаруеве горе», 1583 г. [ПКЗ, 259], она же «д. на Сяруеве горе», 1563 г. [ПКОП, 478], позднее *Шаруева гора*, д. [СНМ, 1907, 166] (второе название — Лобаново) (МакВ). Деревня находится напротив впадения в Андому р. Сяржега (Шаржега), поэтому, возможно, название *Шаруева гора* восходит к карел. **Šäroi/mägi*, где **Šäroi* < **Šärren/oja* (букв. «плотвы ручей»). Не исключено также, что в основе ойконима лежит личное имя или прозвище **Šäroi* / **Säroi*, связанное с карел. *šäris* ‘s’ä ‘дрожать’ или вепс. *säro*, *säru* ‘дрожь; озноб’, *säreita* ‘дрожать’.

**Шильти*: В *Шильтях*, ур., 1885 г. (Дев: Пильчина) [НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/23, 19] < карел. *šilta* ‘мост’, ‘гать, настил через болото’ — ср. вепс. *sild* ‘мост’, ‘настил (через болото)’.

3.3.2. Наличие удвоенных согласных в топонимах также указывает на их карельские истоки [см.: Захарова, Муллонен, 2012, 151], в связи с чем можно предполагать карельское происхождение фиксируемых в Юго-Восточном Обонежье названий на *Гакк-* и *Укк-*.

Гаккозеро, оз., *Гаккукса*, местн. (Гак), 1563 г. [ПКОП, 193] (в других источниках *Гакукса*). Семантика топоосновы неясна.

Уккомское болото, пок., 1913 г. (Марк: Подгородье) [НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, 13]. Ср. **Уккома* < карел. **Ukko/tua*, где *ukko* ‘старик’ (в раннем значении ‘бог-громовержец’), *tua* ‘земля’ — при вепс. **Uko/ma*, где *uk* (*uko*) ‘старик’, *ma* ‘земля’.

3.3.3. Вепским звонким согласным в карельском языке соответствуют глухие, что дает возможность считать карельским топоним *Vamручей*, руч. (Сам: Пнево). Топооснова *Vam-*, по мнению И. И. Муллонен, связана с карел. *vata, vataja* ‘куст, обычно низкий и широкий’ (ср. фин. *vataja* ‘болотистое, поросшее кустарником место, используемое иногда под покосы’) [Муллонен, 2008, 22]. Если бы топоним восходил к соответствующему вепс. **vadag* ‘низкое, болотистое место, используемое под сенокос’, то в топооснове ожидалось бы *Vad-*, ср. *Vадиручей*, руч. (ЛобР: Липовая Сельга) [см.: Муллонен, Кузьмин, 2008, 222–223].

3.3.4. Такая черта карельского языка, как сохранение (полу)долгих гласных, позволяет усматривать «карельский след» в названии деревни *Киижинское*, 1911 г. [НАРК, ф. 27, оп. 3, д. 23/231, 28], хотя в других источниках в первом слоге отражен краткий гласный: *Кижинская*, д. [СНМ, 1907, 132], совр. Деревягино (АнС); «д. на Сямини ж *Киженцово* Марков След *Кижемцов* да сына его Сидорика» (1563 г.) [ПКОП, 189]; «пустошь, что была д. *Кижемцова*, Марков След *Кижемцова*» (1583 г.) [ПКЗ, 244] (ныне деревня находится у р. Андома напротив устья р. Самина). Вполне очевидно, что ойконим связан с прозвищем *Кижемец / Киженец*, которое могло принадлежать бывшему жителю Кижского погоста или жителю местности **Kiidžin-* (основа *Kiidžime-*). В свою очередь, название этой местности можно связывать с карел. *kiidžin* ‘мох дрепанокладус крючковатый (*Drepanocladus uncinatus*), используемый для мшения построек’ (значение лексемы приводится по: [Муллонен, 2008, 59–60]). Тем самым рассматриваемый пример — *Киижинское* — свидетельствует не об исключительно карельских истоках топонима (они могут быть и вепскими), а о его использовании в карельской речи. Важно отметить, что именно в деревне *Киижинское* функционирует фамилия *Шведов*, о которой говорилось выше (см. разд. 1). Показательно, что в вепских топонимах, происходящих от аналогичной основы, долгий (полу)гласный обычно не сохраняется, ср.: оз. *Kiži/d'ärv*, бол. *Kiži/so* [см.: Там же].

3.3.5. На карельские истоки некоторых топонимов Юго-Восточного Обонежья могут указывать и иные фонетические особенности. Приведем еще несколько примеров.

Евручей, второе название ручья Ноздручей (МакВ: Рубцово); *Евручей* (ЛобР: Сорочье Поле): в этих примерах топооснову *Ев-* мы связываем с карел. *hepo* (ген. *hevon*) ‘кобыла’, ‘лошадь’. В названии отражено чередование ступеней согласных *p/v*, свойственное карельскому языку. Утрата начального согласного объясняется тем, что прибалтийско-финский *h*, в силу отсутствия точного русского аналога, при интеграции географических названий в русскую топонимическую систему мог исчезать [см.: Муллонен, 2002, 51]. Этимологию подтверждает метонимическая калька: рядом с лобегским ручьем *Евручей* протекает руч. *Кобылий*. Отметим также, что вепс. *hebo, hõbo* ‘лошадь’ обычно адаптируется на русской почве в виде *Ебо-, Ёбо-*, ср.: *Ебологи*, бол. (Туд: Панышино) [ТКК] < вепс. **Hebo/logad*, где *loga*

(мн. *logad*) ‘ложбина, овраг’, ‘сырое болотистое место’; *Ебонаволок* / *Ёбонаволок*, ур. (Чекш), *Ебонос*, ур. (Маль) [ПДА].

Каляручей, руч., исток оз. *Рыбное* (АнР: Мастерово) < карел. **Kala/oja*, где карел. *kala* ‘рыба’. Эта калька квалифицировалась ранее как вепско-русская [Гусельникова, 2000, 173]. Однако, учитывая более выраженную палатализацию карельского *l* в сравнении с вепским *л*, а также локализацию названия (деревни Андоморецкого скита), мы полагаем, что форма основы *Каля-* была усвоена русскими не от вепсов, а от карел. Принимая во внимание историю возникновения деревень Андоморецкого скита (см. разд. 1), кальку следует относить к XVIII в. или к более позднему времени.

Сятручей, руч., *Сятпожня*, пок. (АнС: Сорочье Поле): для этих названий можно восстанавливать исходную форму основы **Сястр-*, сопоставимую с карел. тихв. *sästrikkä* ‘красная смородина’ — ср. иной вокализм первого слога в вепс. *sestrikaine* ‘то же’ [СОСД, 40]. В карельской топонимии основа *Sästr-* непродуктивна, поскольку в собственно-карельских говорах исконное слово было вытеснено заимствованиями из русского языка *khäziččä*, *ruškie smoroda*. В то же время на исторической территории карел — Карельском перешейке — исконная топооснова отмечается уже с XIV в.: ср., например, название р. *Сестрея* (< **Sestri/oja*), упоминаемое в Ореховецком мирном договоре 1323 г. [ГВНП, № 38, 68]. Переход *e > ä* — более поздняя новация карельского языка.

4. Топонимы, образованные от карельских антропонимов

Выше уже упоминались некоторые названия, в основе которых просматриваются антропонимы (см. *Шаруева гора* в разд. 3.3.1, *Кишжинское* в разд. 3.3.4). Дополним эти упоминания рядом других топонимов, для которых также вероятна связь с карельскими антропонимами.

Меттала, д., конец XVIII в. (Чекш) [ГП] < карел. **Miettola*, где *Miet(t)o* — карельское и финское личное имя и фамилия, а *-la* — распространенный в карельских и финских топонимах (главным образом в названиях домов и поселений) суффикс. Аналоги для этого обонежского ойконима отмечаются в Финляндии: *Mietala* (KSuo: Saarijärvi); *Miettola* (EKar: Rautjärvi); *Miettula* (ESav: Puumala, Sulkava, Juva (2); Kai: Kuhmo, Kajaani, Sotkamo; PPoh: Ii, Utajärvi; Kym: Kouvola; VSuo: Paimio; Uus: Lohja) [MML]. Почти половина приведенных топонимов локализована в области распространения саволакского диалекта финского языка, образуя компактные ареалы в зонах с наличием карельского топонимического субстрата (Кайнуу, Южная Карелия, Южное Саво). Отметим также, что к указанному имени восходят финские фамилии *Mietala* (EPoh: Alahärmä; KSuo: Karstula), *Mieto*, *Mietola* (EPoh: Kurikka, уже в 1571 г.), *Miettola* (PSav) [USN, 554–555].

Пянтена гора, ур.: «поч. на *Пянтени* горе... Прока *Пянтин* да братанич его Третьячко», 1563 г. [ПКОП, 205], позднее *Пянтинская Гора*, пустошь (БелР)

[ПКЗ, 275]. Название связано с *Päntti*, *Pänttö* — карельским личным именем, которое соответствует русскому мужскому имени *Пантелей* (*Пантелеймон*) [USN, 651]. Примеры употребления этого антропонима в топонимии Карелии и Финляндии весьма многочисленны: *Päntön/niemi*, мыс, *Päntön/suo*, бол. (Лоух: Кестеньга) [ТКК]; *Pänttö*, дом, *Päntön/kallio*, скала, *Päntön/lampi*, оз. (PKar: Joensuu); *Päntön/kari*, мель (PKar: Liperi); *Päntön/saari*, о-в (PKar: Kontiolahti); *Päntön/selkä*, часть оз. (KSuo: Pihtipudas) [MML]. Переход рус. *a* > карел. *ä* связан с сингармонизмом, который свойственен карельскому языку, но не характерен для вепского.

Себряная Пядчиконда, поляна (АнС) [ТКК]: *Пядчиконда* в этом составном названии восходит к **Päčči/kond(u)*, где в первой части отражено карельское прозвище *Päčči* < *päčči* ‘печь’ [см.: Карлова, 2004, 90], а детерминант связан с карел. *kondu* ‘крестьянский двор; хозяйство; земельный участок’ или вепс. **kond* ‘крестьянский двор с прилегающим участком земли’ (лексемы и их значения приведены по: [Муллонен, 1994, 59]). Лежащий в основе названия антропоним фиксируется в топонимии Карелии и Восточной Финляндии: *Päččil / Пятчила*, д. (Олон: Рыпушкалицы) [Карлова, 2004, 90]; *Pätsi*, дом (PPoh: Pudasjärvi (2), Kuusamo — 2) [MML]; а также в качестве финской фамилии *Pätsi* (PPoh: Pudasjärvi, Kuusamo, Taivalkoski; Lap: Posio, с 1658 г.) [USN, 697].

Тогмуева, д., 1563 г. (Туд) [ПКОП, 195], она же *Тогмуева Пилпина*, пустошь, 1583 г. [ПКЗ, 256]. Название деревни *Тогмуева* может быть образовано от карельского или финского личного имени **Tohmo(i)*, являющегося вариантом имени *Tuomas* (Томас) [USN, 850]. С другой стороны, основу *Тогм-* можно возводить к прозвищу, которое сопоставимо с карел. *tohmi* ‘опьянение; чувство легкого голода и озноба’, ср. также эст. *tohm* ‘тупой, неспособный, нечувствительный, глупый’ [SSA, 3, 302]. Что касается вариантного именованья *Тогмуева Пилпина*, то исходная форма его второй части — прозвищный антропоним **Pilpa* (**Pilpa*) — может связываться с карел. *pilpa* ‘кора сосны (молодой)’. В антропонимии, предположительно, эта лексема близка к апеллиативам со значениями ‘малый, маленький’, ‘тощий’, ср. фин. *pilpa* ‘кусочек, осколок’, ‘кожица’, ‘щепка’ [SKES, 564]. В типологическом отношении ср. финские названия *Tohmola*, н. п. (Lap: Kemijärvi); *Tohmon/nokka*, мыс (KNäm: Loppi), где *nokka* ‘нос’, ‘оконечность’ [MML]. В связи с последним примером интересно, что на территории общины, где расположен мыс *Tohmonnokka*, находится также населенный пункт *Pilpala* (KNäm: Loppi) [Там же].

5. Выводы

Обобщая изложенные выше сведения и наблюдения, мы можем заключить, что топонимы карельского типа выявлены в 22 из 34 (65 %) выделенных групп поселений Юго-Восточного Обонежья. Это Андоморецкие деревни (7), Андома (6), Макачево (4), Куржекса (3), Талица (3), Чекша-речка (3), Айнозеро (2), Гакукса (2);

единичные названия отмечены в поселениях Андомская гора, Анхимово, Белый Ручей, Девятины, Илекса, Лобеги и Ранина Гора, Мальян, Марково, Ладвозеро, Плоские Нивы, Самоино, Тагажма, Тудозеро, в поселениях на нижней Вытегре. Для указанных групп населенных пунктов былое наличие в них карел подтверждается историческими данными и отэтнотонимными топонимами в Айнозере, Андоморецких деревнях, Ладвозере, Лобегах и Раниной Горе; отэтнотонимными антропонимами — в Андоме, Самоино, Тагажме, на нижней Вытегре; отэтнотонимными топонимами — в Марково и Плоских Нивах; топонимами, связанными с лексемой *выходец*, — в Анхимово и на нижней Вытегре.

Таким образом, носители карельского языка проживали в восточной части бассейна оз. Муромское, в верховьях р. Чёрная (Пуд), в западной части бассейна оз. Тудозеро и почти по всему бассейну рек Андома, Самина, Вытегра — с наибольшей концентрацией в восточной части басс. р. Андома.

При этом топонимы карельского типа не выявлены в Замошье, Лядинах, Осиновце, Слободе, Цимино (басс. рек Андома и Самина), в Кленово и Сараже (басс. оз. Тудозеро), в Сойдозере, Янишево (басс. оз. Кемское), в Алмозере, Кудоме, Кудомозере и Тагажмозере, Палозере, Рубеже, Чекше (басс. р. Вытегра). Обращает на себя внимание тот факт, что ареал отсутствия топонимии карельского типа в Андомском погосте-округе образует непрерывную узкую полосу от Осиновца до верховьев тудозерского притока Повреки, проходя через группы населенных пунктов Слобода, Лядины, Замошье, Цимино, Кленово и Саража. Это может быть связано с тем, что прибалтийско-финская по происхождению топонимия данного ареала является в основном вепсской.

В районах более раннего освоения (на большей части басс. р. Вытегра и в западной части басс. рек Андома и Самина) часть топонимов могла появиться уже в конце XV столетия. В это время, например, в Вытегорском погосте-округе хозяин одного из дворов именуется карельским отчеством *Тогмуев* (Марк: Подгородье) [ПКОП, 15]. Значительные группы носителей карельского языка, способных на создание и распространение топонимов, появились в Юго-Восточном Обонежье не позднее середины XVI в., о чем свидетельствует фиксация топонимов и антропонимов карельского типа в писцовой книге 1563 г.: *Вангина гора*, ур. [ПКОП, 189], позднее д. на *Вяньге реке* [СНМ, 1879, 52] (Анд: Руяково); речка *Норзуба* [ПКОП, 191], позднее *Новза* (АнС: Антоново); *Пянтена гора*, ур. (БелР); *Пянтин*, отчество (МакВ; БелР; Дев: Лонская) [Там же, 196, 205]; *Тогмуева*, д. (Туд); *Шаржуга*, д. (МакВ: Подгородье).

Появление топонимов карельского типа в Андоморецких деревнях, Илексе, Лобегах и Раниной горе, Мальяне, Ладвозере, Чекше-речке можно отнести ко 2-й половине XVII — XVIII в., поскольку большей частью указанные населенные пункты возникли именно в это время. Такая хронологизация вполне допустима и потому, что в названных поселениях карельские названия большей частью представляют собой микропонимы, известные лишь узкому кругу лиц.

Некоторые выявленные нами топонимические факты указывают на двуязычие населения отдельных зон исследуемого региона. Так, о карельско-русском двуязычии во 2-й половине XVII — XVIII в. в Андоморецких деревнях, Лобехах и Раниной Горе, Плоских Нивах свидетельствуют кальки *Думача* — *Чёрное*, *Евручей* — *Кобылий*, *Каляручей* — *Рыбное*, *Масельга* — *Земляное* (и, вероятно, **Hanhi/suvanto* — *Гусинплесо*). На карельско-вепское двуязычие этого периода в Илексе указывает калька *Гейкозеро* — *Пагача*.

О последующей вепской адаптации карельских топонимов во 2-й половине XVII — XVIII в. в Андоморецких деревнях и Чекше-речке, а в Макачево, вероятно, с XVI в., свидетельствуют их русские формы с основами *Галент-*, *Гангас-*, где на месте ожидаемого начального *x*, восходящего к карел. *h*, отражен звонкий *z*, восходящий к вепс. *h* (о подобных особенностях русской адаптации карельского и вепского *h* [см.: Захарова, Муллонен, 2012, 151]). На вепскую адаптацию указывает и начальный согласный в названии *Сяржега* при более раннем карельском *Шаржуга*.

Вопросом, требующим дальнейшего исследования, является наличие на территории Финляндии компактных групп топонимов, имеющих аналоги в Юго-Восточном Обонежье. Так, в общине Куусамо (Северная Остроботния) отмечается девять топонимических типов, которые аналогичны или близки типам Юго-Восточного Обонежья, причем четыре из них на остальной территории Финляндии не встречаются или встречаются редко: *Nousema* (1 из 1)⁶, *Pätsi* (2 из 4), *Hanhi/suvanto* (1 из 5), *Liiva/joki* (1 из 11 гидронимов с основой *Liiva-*), *Maan/selkä*, *Maa/selän-* (10), *Halla-aho* (7), *Hangas/suo* (6), *Särki/joki* (4), *Hangas/oja* (1). В общине Кухмо (Кайнуу) обнаруживается семь топонимических типов, аналогичных или близких обонежским, два из них редкие: *Tumma/lampi* (1 из 3 гидронимов с основой *Tumma-*), *Miettula* (1 из 12), *Maa/selkä*, *Maa/selän-* (13), *Halla-aho* (12), *Hangas/suo* (4), *Töriseva* (2), *Särki/joki* (2). В общине Лоппи (Канта-Хяме) засвидетельствованы топонимы *Tohmon/nokka* и *Pilpala* — ср. название пустоши *Тогмуева Пилтина*, отмеченное в 1583 г. на Тудозере.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.

⁶ В скобках для редких топонимов указывается количество фиксаций в общине на фоне общего количества по стране, для широко распространенных названий — только количество фиксаций в общине.

- ГП — Генеральный план Вытегорского уезда Олонецкого наместничества. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 3262–3271.
- Гусельникова М. Л. Итоги работы топонимической экспедиции Уральского университета в Вытегорском районе Вологодской области // Финно-угорское наследие в русском языке : сб. науч. тр. Вып. 1 / отв. ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 171–173.
- Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1956.
- Захарова Е. В., Муллонен И. И. Карельский след XVII в. в топонимии Восточного Обонежья // XVII век в истории и культуре Русского Севера / науч. ред. Н. И. Решетников. Каргополь : Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2012. С. 146–154.
- Карелы 1983 — Карелы Карельской АССР / ред. А. С. Жербин, Г. М. Керт, К. А. Морозов, Ю. А. Савватеев, И. П. Шаскольский. Петрозаводск : Карелия, 1983.
- Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии : дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004.
- Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / пер. Л. В. Суни. Петрозаводск : Барс, 1998.
- Кузьмин Д. В. Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 2003» / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2003. С. 303–307.
- Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб. : Наука, 1994.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : ПетрГУ, 2002.
- Муллонен И. И. Старое Заонежье: вепское или карельское? // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. № 8. С. 211–217.
- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2008.
- Муллонен И. И., Кузьмин Д. В. Границы топонимных ареалов Карелии. Материалы атласа // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2008. С. 217–256.
- НАРК — Национальный архив Республики Карелия. Ф. 24. Олонецкое губернское по крестьянским делам присутствие (1861–1909). Оп. 5. Д. 2/14, 2/22, 2/23, 2/25, 2/28, 2/29, 3/32, 3/33, 3/37. Ф. 27. Олонецкий губернский статистический комитет (1765–1925). Оп. 2. Д. 31/483. Оп. 3. Д. 23/216, 23/231.
- Овчинникова А. И. Агроклиматическая характеристика вегетационного периода // Природное районирование Вологодской области для целей сельского хозяйства / под ред. Л. К. Давыдова, О. А. Дроздова, В. Г. Зольникова. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1970. С. 52–73.
- ОГВ 1874 — Олонецкие губернские ведомости. 1874. № 70 (07.09).
- ОГВ 1875 — Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 10 (05.02).
- ОГВ 1877 — Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 76 (05.10).
- ПДА — полевые данные автора.
- ПКЗ — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. // История Карелии в XVI–XVII вв. в документах / ред. И. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск ; Йознсуу : [б. и.], 1993. Т. 3. С. 35–341.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / под общ. ред. М. Н. Покровского // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карельской АССР. Л. : Изд-во АН СССР, 1930.
- ПОК — Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины Корельского городка с уездом 7008 года / под ред. М. А. Оболенского // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 12. М. : Университетская тип., 1851. С. 1–464.
- ПФГЛК — Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 1991.

- Савинов Ю. А., Романова В. П. Геоморфологическое районирование Вологодской области // Природное районирование Вологодской области для целей сельского хозяйства / под ред. Л. К. Давыдова, О. А. Дроздова, В. Г. Зольникова. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1970. С. 11–51.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л. : Наука, 1972.
- СГЮВП — Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.
- СНМ 1879 — Списки населенных мест по сведениям 1873 г. Олонецкая губерния / ред. Е. Огородников. СПб. : Тип. МВД, 1879.
- СНМ 1894 — Список селений в Олонецкой губернии, с обозначением наличного числа домов и жителей // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3 / сост. [И.] Благовещенский. Петрозаводск : Тип. губерн. правления, 1894. С. 427–522.
- СНМ 1907 — Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. / сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск : Олонецкая губерн. тип., 1907.
- Соболев А. И. О прибалтийско-финском субстрате в геокультурном пространстве Андомского погоста // Вестн. Помор. ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 5. С. 33–38.
- Соколовская М. Л. Северное раскольничье общежитие первой половины XVIII в. и структура его земель // История СССР. 1978. № 1. С. 157–167.
- Соколовская М. Л. Крестьянский мир как основа формирования выговского общежития // Старообрядчество в России (XVII–XX века) / под ред. Е. М. Юхименко. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 269–279.
- СОСД — Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007.
- ССКГК — Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии = Karjalan Varšinaismurtehien šanakirja. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2009.
- Старицын А. Н. Курженская пустынь // Вестн. церковной истории. 2009. № 3–4 (15–16). С. 191–205.
- ТКК — Топонимическая картотека Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).
- Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М. : Индрик, 2003.
- Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск : ПетрГУ, 1998.
- Kuzmin D. Vianan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki : Unigrafia Oy, 2014.
- MML — сайт Топографического управления Финляндии Maanmittauslaitos [Электронный ресурс]. URL: www.maanmittauslaitos.fi/kartat/
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958–1981. О. 1–7. (Lexica societatis Fenno-ugricae XII).
- SMS — Suomen murteiden sanakirja. Helsinki : Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1985–. О. I–.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä: etymologinen sanakirja. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1992–2000. О. I–III.
- USN — Uusi suomalainen nimikirja / Etunimet: K. Vilkuna avustajinaan M. Huitu ja P. Mikkonen ; Sukunimet: P. Mikkonen ja S. Paikkala. Helsinki : Otava, 1988.

Рукопись поступила в редакцию 15.01.2015 г.

* * *

Соболев Антон Игоревич

аспирант Северного (Арктического)
федерального университета им. М. В. Ло-
моносова
163002, Архангельск, Наб. Северной Дви-
ны, 17; тел.: 8 (909) 552 45 55
E-mail: kroikoi@yandex.ru

Sobolev, Anton Igorevich

PhD Student, Northern (Arctic) Federal
University,
17, Severnaya Dvina Emb.,
163002, Arkhangelsk, Russia;
tel.: +7 909 552 45 55;
E-mail: kroikoi@yandex.ru

KARELIAN HERITAGE IN THE TOPONYMY OF THE SOUTHEASTERN LAKE ONEGA AREA

The article focuses on place names of Karelian origin on the territory of Southeastern Lake Onega region and provides linguistic and historical evidence of Karelians' migrations to the area in question. The etymological analysis of place names made by the author supports that the Karelian language was brought to the territory of the Southeastern Lake Onega region from the Northwestern Lake Ladoga region by the end of the 15th century. The documentary and linguistic data testify that in the 15–18th centuries there were several migrations of Karelians to the studied area and that in the 18th century the Karelian language was still in use by a part of the population of the eastern Andoma river basin. Since Karelians migrated to the Russian-Veps language environment, the article provides evidence of Vepsian adaptations of Karelian place names and of Veps-Karelian and Russian-Karelian bilingualism in the studied area in the 17–18th centuries. The research is based on reliable historical resources and toponymic data from the contemporary Karelian territories and takes into account the geographic characteristics of the named objects.

Key words: Russian language, Karelian language, Veps language, toponymy, place-names, historic anthroponymy, language contacts, ethnic history, lake Onega region, Karelia, Vologda region.

- Barkhudarov, S. G. (Ed.). (1975–2006). *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11–17th Centuries]. (Vols. 1–27). Moscow: Nauka.
- Blagoveshchenskii, I. I. (Ed.). (1907). *Spisok naseleennykh mest Olonetskoï gubernii po svedeniïam za 1905 g.* [The List of Settlements of Olonets District in 1905]. Petrozavodsk: Olonetskaïa gubernskaïa tip.
- Chernyakova, I. A. (1998). *Kareliia na perelome epokh: ocherki sotsial'noi i agrarnoi istorii XVII v.* [Karelia at the Turn of Times: Essays on the Social and Agrarian History of the 17th Century]. Petrozavodsk: PetrGU.
- Chernyakova, I. A., & Katajala, K. (Eds.). (1993). *Istoriia Karelii XVI–XVII vekov v dokumentakh* [Documents on the 16–17th Century Karelian History]. (Vol. 3). Petrozavodsk; Joensuu: [s. n.].
- Eliseev, Yu. S., & Zaitseva, N. G. (Eds.). (2007). *Sopostavitel'no-onomasiologicheskii slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo i saamskogo iazykov* [The Comparative and Onomasiological Dictionary of the Dialects of the Karelian, Veps and Sami Languages]. Petrozavodsk: KNTs RAN.
- Fedotova, V. P., & Boiko, T. P. (Eds.). (2009). *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii — Karjalan Varšinaismurtehien šanakirja* [A Dictionary of Karelian Proper Dialects of Karelia]. Petrozavodsk: KNTs RAN.

- Fishman, O. M. (2003). *Zhizn' po vere: tikhvinskie karely-staroobriadtsy* [Life by Faith: Tikhvin Karelians — Old Believers]. Moscow: Indrik.
- Gusel'nikova, M. L. (2000). Itogi raboty toponimicheskoi ekspeditsii Ural'skogo universiteta v Vytegorskom raione Vologodskoi oblasti [The Results of the Ural University's Toponymic Expedition to Vytegorsky District of Vologda Oblast]. In A. K. Matveev (Ed.), *Finno-ugorskoe nasledie v russkom iazyke* [Finno-Ugric Heritage in the Russian Language] (Vol. 1, pp. 171–173). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Karlova, O. L. (2004). *-L-ovaia model' v toponimii Karelii* [The -l-model in the Toponymy of Karelia] (Doctoral dissertation). Petrozavodsk.
- Kirkinen, H., Nevalainen, P., & Sihvo, H. (1998). *Istoriia karel'skogo naroda* [A History of the Karelian People]. Petrozavodsk: Bars.
- Kuz'min, D. V. (2003). Karel'skii sled v toponimii Zaonezh'ia [The Karelian Impact on Zaonezhye Toponymy]. In T. G. Ivanova (Ed.), *Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Riabininskie chteniia — 2003»* [The Local Traditions in the Folk Culture of the Russian North. Proceedings of the 4th International Conference “Riabininskie Chteniia — 2003”] (pp. 303–307). Petrozavodsk: KNTs RAN.
- Kuzmin, D. (2014). *Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa* [Settlement History of White Sea Karelia in the Light of Onomastics] (Doctoral dissertation). Helsinki.
- Mamontova, N. N., & Mullonen, I. I. (1991). *Pribaltiisko-finskaia geograficheskaiia leksika Karelii* [Balto-Fennic Geographic Vocabulary of Karelia]. Petrozavodsk: KNTs RAN.
- Mullonen, I. I. (1994). *Ocherki vepsskoi toponimii* [Essays on Veps Toponymy]. Saint Petersburg: Nauka.
- Mullonen, I. I. (2002). *Toponimii Prisivir'ia: problemy etnoiazykovogo kontaktirovaniia* [Toponymy of Prisivirye: Ethnolinguistic Contacts]. Petrozavodsk: PetrGU.
- Mullonen, I. I. (2003). Staroe Zaonezh'e: vepsskoe ili karel'skoe? [Ancient Zaonezhye: Is It Vepsian or Karelian?]. *Kizhskii vestnik*, 8, 211–217.
- Mullonen, I. I. (2008). *Toponimii Zaonezh'ia: slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariiami* [The Toponymy of Zaonezhye: A Dictionary with Historical and Cultural Comments]. Petrozavodsk: KNTs RAN.
- Mullonen, I. I., Azarova, I. V., & Gerd, A. S. (1997). *Slovar' gidronimov Iugo-Vostochnogo Priladozh'ia (bassein reki Svir')* [A Dictionary of Hydronyms of the Southeastern Ladoga Region (The Svir River Basin)]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Mullonen, I. I., & Kuz'min, D. V. (2008). Granitsy toponimnykh arealov Karelii. Materialy atlasa [The Borders of Karelia's Toponymic Areas. Materials for an Atlas]. In O. P. Iliukha, & I. I. Mullonen (Eds.), *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopedel'nykh regionov. Gumanitarnye issledovaniia* [The Borders and Contact Zones in the History and Culture of Karelia and Neighbouring Regions] (Vol. 1, pp. 217–256). Petrozavodsk: KNTs.
- Obolenskii, M. A. (Ed.). (1851). Perepisnaia Okladnaia kniga po Novogorodu Vot'skoi piatiny Karel'skogo gorodka s uездом 7008 goda [Census Book of the District of Karelski Gorodok, Novogorod, Vot'skaya Pyatina, of the Year 7008 (1499/1500)]. In *Vremennik imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh* [Annales of the Imperial Moscow Society for Russian History and Antiquities] (Vol. 12, pp. 1–464). Moscow: Universitetskaia tip.
- Ogorodnikov, E. (Ed.). (1879). *Spiski naseleennykh mest po svedeniim 1873 g. Olonetskaia guberniia* [The List of Settlements in 1873. Olonets Governorate]. Saint Petersburg: Tip. MVD.
- Ovchinnikova, A. I. (1970). Agroklimaticheskaiia kharakteristika vegetatsionnogo perioda [The Agroclimatic Characteristics of the Vegetation Period]. In L. K. Davydov, O. A. Drozdov, & V. G. Zol'nikov (Eds.), *Prirодноe raionirovanie Vologodskoi oblasti dlia tselei sel'skogo khoziaistva* [Nature Zoning of Vologda Oblast for Agricultural Purposes] (pp. 52–73). Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izd-vo.
- Pokrovskii, M. N. (Ed.). (1930). *Pistsovyie knigi Obonezhskoi piatiny 1496 i 1563 gg.* [Cadastral Books of the Obonezhskaya Pyatina, Years 1496 and 1563]. Leningrad: AN SSSR.

- Savinov, Yu. A., & Romanova, V. P. (1970). Geomorfologicheskoe raionirovanie Vologodskoi oblasti [Geomorphological Zoning of Vologda Oblast]. In L. K. Davydov, O. A. Drozdov, & V. G. Zol'nikov (Eds.), *Prirodnoe raionirovanie Vologodskoi oblasti dlia tselei sel'skogo khoziaistva* [Nature Zoning of Vologda Oblast for Agricultural Purposes] (pp. 11–51). Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izd-vo.
- Sobolev, A. I. (2009). O pribaltiisko-finskom substrate v geokul'turnom prostranstve Andomskogo pogosta [On the Balto-Fennic Substrate in Geocultural Area of the Andoma Pogost]. *Vestnik Pomorskogo universiteta*, 5, 33–38.
- Sokolovskaia, M. L. (1978). Severnoe raskol'nich'e obshchezhitel'stvo pervoi poloviny XVIII v. i struktura ego zemel' [The Northern Schismatic Community of the Early 18th Century and the Structure of Its Lands]. *Istoriia SSSR*, 1, 157–167.
- Sokolovskaia, M. L. (1999). Krest'ianskii mir kak osnova formirovaniia vygovskogo obshchezhitel'stva [Peasants and the Formation of Vygovskoye Community]. In E. M. Yukhimenko (Ed.), *Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX veka)* [Old Believers in Russia (17–20th Centuries)] (pp. 269–279). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Spisok selenii v Olonetskoi gubernii, s oboznacheniem nalichnogo chisla domov i zhitelei. (1894). [A List of Olonets Governorate Settlements, with Indication of the Number of Houses and Inhabitants]. In I. Blagoveshchenskii (Ed.), *Olonetskii sbornik. Materialy dlia istorii, geografii, statistiki i etnografii Olonetskogo kraia* [The Olonets Digest. Materials on the History, Geography, Statistics and Ethnography of Olonets Land] (Vol. 3, pp. 427–522). Petrozavodsk: Tip. gubernskogo pravleniia.
- Staritsyn, A. N. (2009). Kurzhen'skaia pustyn' [Kurzhen'skaya Poustinia]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3–4 (15–16), 191–205.
- Valk, S. N. (Ed.). (1949). *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of Great Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: AS SSSR.
- Vitov, M. V. (1962). *Istoriko-geograficheskie ocherki Zaonezh'ia XVI–XVII vv. Iz istorii sel'skikh poselenii* [Historical and Geographical Studies on the 16–17th Centuries Zaonezhye. From the History of Rural Settlements]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Zaitseva, M. I., & Mullonen, M. I. (1972). *Slovar' vep'sskogo iazyka* [A Dictionary of the Veps Language]. Leningrad: Nauka.
- Zakharova, E. V., & Mullonen, I. I. (2012). Karel'skii sled XVII v. v toponimii Vostochnogo Obonezh'ia [The 17th Century Karelian Impact on the Toponymy of Eastern Obonezhye]. In N. I. Reshetnikov (Ed.), *XVII vek v istorii i kul'ture Russkogo Severa* [The History and Culture of the Russian North in the 17th Century] (pp. 146–154). Kargopol': Kargopol'skii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei.
- Zherbin, A. S. (1956). *Pereselenie karel v Rossiiu v XVII v.* [Karelians' Immigration to Russia in the 17th Century]. Petrozavodsk: Gosizdat KFSSR.
- Zherbin, A. S., Kert, G. M., Morozov, K. A., Savvateev, Yu. A., & Shaskol'skii, I. P. (Eds.). (1983). *Karely Karel'skoi ASSR* [Karelians of the Karelian ASSR]. Petrozavodsk: Kareliia.

Received 15 January 2015